

Хотя эта повесть, повидимому, не оригинальная, а занесена к нам с Запада,¹ но самый факт усвоения ее русской средой в это время говорит о наличии подходящих условий для подобного заимствования в идеологии какой-то части русского читающего общества. Это и была именно та, зараженная «вольномыслием», часть, которая допускала критику разных сторон существующего строя, в том числе и стороны церковной. Трудно связать это течение русской общественной мысли первых десятилетий XVII в. с каким-либо одним классом: вольнодумцы выходили из разных социальных слоев, но по преимуществу в данную эпоху им были заражены, видимо, средние служилые элементы, борющиеся за первенство значения с высшим боярством, с остатками уже сильно разгромленной к этой поре крупной землевладельческой знати. Близко столкнувшись во время Смуты с пришлыми иноземцами, они через них получают знакомство с новыми явлениями западной жизни вообще и, в частности, жизни литературной. Через этих иноземцев, возможно, дошел до русского читателя западный анекдот о крестьянине или мельнике, препирающемся у дверей рая со святыми, которые его туда не пускают. Найдя отклик в мировоззрении русского читателя этого времени, анекдот был переработан им: героем — в противовес ортодоксальной литературе против пьяниц — сделан был торжествующий пьяница; официальная церковь повторяла в это время на все лады, что «пьяницы царствия божия не наследят», а бражник не только входит в рай, но даже занимает в нем лучшее место и делает это, опираясь на «смехотворное» толкование св. писания.

Как видим, общее направление повести о бражнике совпадает с повестью о куре и лисице: обе повести — сатиры на формальное благочестие, везде — прием один и тот же: смелое обращение с авторитетом св. писания, издевательство над представителями официального благочестия. Даже форма диалога с однообразными, связывающими его части, фразами обща обоим повестям.

Если анекдот о бражнике был своеобразной переработкой западного источника, то и для повести о куре и лисице мы можем указать тот круг литературных образцов, которыми была навеяна, вероятно, самая форма повести. В 1607 г. переводится с польского языка Гозвинским сборник басен Эзопа (см. рук. Гос. Публ. Библ. им. Салтыковского-Щедрина F. XIV. 5). Здесь в числе 14 басен о лисице и 4 о петухе — есть басня, схема которой и даже некоторые детали напоминают повесть о куре и лисице: это басня

¹ А. Веселовский. История русской словесности А. Галахова, изд. 2, СПб., 1880, стр. 498—500 и М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, 1924, стр. 243.